

Сим Семыча Карнавалова. Сим Семыч, бывший заключенный, исповедующий монархические взгляды, во многом схож в А. И. Солженицыным. Цель жизни Сима – создать 60-томное произведение «Большая зона». Тома он называет «глыбами», что отсылает читателя к сборнику «Из-под глыб», в котором были опубликованы статьи писателей-эмигрантов, в том числе три статьи Солженицына. Фигура Семыча в романе гиперзначительна. По необъяснимым причинам (Войнович не «цитирует» Карнавалова) он считается гением, «новым Толстым». В гениальности Сима сомневается только главный герой, который сам является писателем и испытывает профессиональную ревность к новоявленному самородку. *«Если человек задумал написать шестьдесят романов по тысячи страниц, ему в психушке самое место»* [1, с. 55], – считает Карцев.

Однако довольно быстро и он попадает под влияние таланта Карнавалова. Постепенно личность Семыча становится культовой. Поклонники считают его мессией, призванным возродить монархию в России. Ведь он, по его собственным словам – прямой наследник престола, сын Николая II.

Основным способом конструирования образа Сим Семыча Карнавалова является оксюморон – сочетание несочетаемого. Фамилия Карнавалов, которую, учитывая её семантику и подход М. М. Бахтина, можно трактовать как нечто, предполагающее смеховое диалогичное начало, не соответствует как сверхсерьёзному монолитному герою, так и его прототипу. Она подчёркивает «сделанность», карнавальность образа Сима. Он окружен легендами, неизвестно на чём основанной верой в его особую миссию.

Таким образом, эмигрантская составляющая романа Войновича проявляется как в способе построения текста в целом, так и в образе Карнавалова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войнович В. Москва 2042. М.: Эксмо, 2015. 448 с.

*А. В. Макарычев (Россия, Самара)
Научный руководитель Е. С. Шевченко*

ПРАВОВОЙ КОД ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ЗОНА»

В данной статье рассматривается понятие правового кода литературы на примере повести С. Довлатова «Зона (Записки надзирателя)». Через правовую рефлексию автора устанавливается, что для Довлатова означали тюрьма, преступление и что он вкладывал в собственное высказывание «ад – это мы сами».

Ключевые слова: *Сергей Довлатов, правовой код, повесть «Зона», рефлексия.*

На данный момент вектор развития науки направлен в сторону интеграции различных отраслей научного знания. Сегодня наблюдается растущий интерес к исследованиям междисциплинарного характера. Так, в современной науке происходит сближение литературоведения и правоведения. Появляются исследования о дискурсе права, о криминальном дискурсе в русской литературе. Вектор этих исследований задан, прежде всего, творчеством Ф.М. Достоевского.

Под правовым кодом литературы мы понимаем систему знаков, которая позволяет считывать информацию правового характера и интерпретировать ее в рамках той или иной художественной системы, в нашем случае – в рамках творчества С. Довлатова.

Правовая рефлексия Довлатова неоднократно находила отражение в его произведениях. Наиболее яркие столкновения автора с режимом и правовой системой СССР послужили фактической основой его текстов. Во время службы в армии в качестве охранника Довлатов видел тюремную жизнь изнутри, будучи при этом в правовой оппозиции к заключённым. Позже писатель столкнулся с давлением цензуры, после чего испытал преследования со стороны властей, был исключен из Союза журналистов СССР и лишен возможности зарабатывать литературным трудом. Через некоторое время Довлатов и сам столкнулся с арестом и последовавшим, в качестве альтернативы, предложением покинуть страну. Всё это плотнорослось с сюжетами его произведений.

В этой работе мы рассматриваем правовой код довлатовской прозы на примере повести «Зона (Записки надзирателя)». К этому тексту мы обращаемся затем, чтобы понять, что для Довлатова означала тюрьма, что для него значило преступление и что он вкладывал в свой постулат «ад – это мы сами», который он так бережно проносит через всю повесть.

«Зона» стала для Довлатова важной книгой, которую он упорно и педантично создавал, выстраивая свои лагерные рассказы в то, что он понимал под словом «повесть». Как и А.И. Солженицын, Довлатов утверждал, что именно тюрьма сделала из него писателя. Однако, в отличие от Солженицына, он был уверен, что по одну сторону решётки ничуть не лучше, чем по другую.

Проблему личной вины и личной ответственности автор ставит и решает разными способами. Самый очевидный из них – прямое авторское слово в эпистолярной части повести, где он разделяет некоторую часть литературы на «каторжную» и «полицейскую»: *«Наряду с «каторжной» имеется «полицейская» литература. По одной – каторжник является фигурой страдающей, трагической, заслуживающей жалости и восхищения. Охранник – соответственно – монстр, злодей, воплощение жестокости и насилия. По второй – каторжник является чудовищем, исчадьем ада. А полицейский, следовательно – героем, моралистом, яркой творческой личностью»* [2, с. 52-53].

И заключает автор собственные размышления следующим образом: *«Я обнаружил поразительное сходство между лагерем и волей. Между заключёнными и надзирателями. По обе стороны запретки расстилался единый и бездушный мир»* [2, с. 53].

В своём произведении Довлатов показывает, что часто между заключённым и охранником в тюрьме нет различий: как заключённые, так и надзиратели способны на совершение преступлений разной степени тяжести. Яркий пример нарушения закона сотрудниками ВОХРы можно наблюдать в последнем рассказе «Зоны», где пьяные Боб и Фидель ночью вымогают у своего сослуживца чачу, в результате чего начинается драка: *«Тут началась драка, которую много лет помнили в охране. Шесть раз я падал. Раза три вставал. Наконец меня связали телефонным проводом и отнесли в ленкомнату»* [2, с. 181]. Довлатовские заключённые так же не чисты, как и охранники. А. Генис писал: *«К блатным Довлатов относился пристрастно, говорил с восхищением об их языке, воображении, походке. При всём том Довлатов не заблуждался насчёт зэков и «братьев меньших» в них не видел»* [1, с. 48]. В «Зоне» заключённые могут наброситься и друг на друга, и на местных представителей закона. Например, в одном из рассказов герой Довлатова, как представитель ВОХРы, ради поддержания порядка запрещает зэкам играть в карты в отведённое для сна время, за что получает увечья: *«Я не заметил, как подбежали сзади. Вокруг стало тесно. Чужие тени кинулись под ноги. Мигнула лампочка в проволочной сетке. И я упал, не расслышав собственного крика...»* [2, с. 66].

Мотив «ад – это мы сами» является сквозным для всего творчества Довлатова. Для выделения своей активной авторской позиции писатель в повести «Зона» многократно прибегает к приёму повтора. Фраза «Ад – это мы сами» воспроизводится несколько раз в разных вариантах: *«По Солженицыну, лагерь – это ад. Я же думаю, что ад – это мы сами»* [2, с. 8]; *«Слушай, парень! Я тебе по-дружески скажу, ВОХРА – это ад. Тогда я ответил, что ад – это мы сами»* [2, с. 136].

Рассматривая правовой код довлатовской прозы, обратимся к ситуации совершаемого заключёнными рецидива и попытаемся понять, что за этим стоит. Самое яркое описание рецидива встречается в эпистолярной части «Зоны»: *«... заключённый Чичеванов досиживал на особом режиме последние сутки. На завтра его должны были освободить. За плечами оставалось двадцать лет срока. Я сопровождал его в головной посёлок. Внезапно коварный зек оглушил меня рукояткой пистолета. Затем он выпрыгнул на ходу и бежал. Шесть часов спустя его задержали в посёлке Иоссер. Чичеванов успел взломать продуктовый ларь и дико напиться. За побег и кражу ему добавили четыре года...»* [2, с. 94].

Далее Довлатов объясняет поведение зэка словами капитана Прищепы: *«Чичеванов отсидел двадцать лет. Он привык. За воротами тюрьмы ему было нечего делать»* [2, с. 95].

Человек, сломленный системой тюремной действительности, уже не в состоянии изменить своё понимание реальности, жизнь для него не может существовать вне зоны. Из-за боязни перемен он идет на новое преступление. В подобном контексте Довлатов рассматривает и советского человека, вырвавшегося за пределы советских реалий: *«Посмотрите, что делается в эмиграции. Брайтонский НЭП – в разгаре. Полно хулиганья. Недавно там открыли пу-*

бличный дом. Десятилетиями мы жили в условиях тотальной несвободы. Мы были сплющены наподобие камбалы тяжчайшим грузом всяческих запретов. И вдруг нас подхватил разрывающий лёгкие ураган свободы. И мы отправились взламывать продуктовый ларь...» [2, с. 93].

Итак, рассмотрев всё вышеперечисленное, мы пришли к следующим выводам. Правовой код литературы, наряду с другими культурными кодами [3, с. 59], позволяет писателю выйти к социально-историческим, политическим и философским проблемам, обращённым в сторону коренных вопросов бытия. В своих произведениях Довлатов отразил события, повлиявшие на его мировоззрение. Момент истины «настиг» Довлатова, когда он был надзирателем. Зона или везде, или нигде – вот вывод, который Довлатов привёз из лагерной охраны. И это сам автор неоднократно подтверждает как прямо, так и косвенно, через своих героев. Он видел, как тюрьма ломала людей, лишая их возможности жить полноценной жизнью. Но он также видел и то, как ломает людей система за пределами лагерной зоны, лишая их того же.

ЛИТЕРАТУРА

1. Генис А.А. Довлатов и окрестности. Филологический роман. Москва: АСТ: CORPUS, 2016. 304 с.
2. Довлатов С.Д. Собрание сочинений: в 4 т. Т.2; сост. А. Арьев. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2016. 576 с.
3. Шевченко Е.С. Театральный код довлатовской прозы // Вестник Самарского государственного университета. Самара: СамГУ, 2006, № 10/2 (50). С. 59-66.

*И.Ю. Овсянников (Россия, Самара)
Научный руководитель М.А. Перепелкин*

А.К. ГОЛЬДЕБАЕВ (СЕМЁНОВ) КАК РЕДАКТОР «ГАЗЕТЫ ДЛЯ ВСЕХ»

Статья посвящена исследованию редакторской деятельности самарского писателя и журналиста А.К. Гольдебаева (Семёнова) в городском издании «Газета для всех» в период с 1910 по 1911 г. Изучена структура газеты во все время её существования и редактуры А.К. Гольдебаевым. Рассмотрено наполнение газеты и выявлены возможные причины такого наполнения. Помимо этого, приведены письма из архива Гольдебаева, хранящиеся в Литературном музее. На основе имеющихся данных делается вывод о необходимости двух взглядов на редакторскую деятельность А.К. Гольдебаева (Семёнова) в «Газете для всех» и «Самарской газете для всех».

Ключевые слова: Гольдебаев, «Газета для всех», «Самарская газета для всех», редакторская деятельность.